

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1863-й годъ.

Шервое Января 1863 г. И еще годъ миноваль, и годъ знаменательный. Жизнь кипѣла со всею силою могущественной массы. Демократическое начало подошло къ берегамъ. Его нарушенія (и не при одномъ Аспромонтѣ) проходятъ безнаказанно или наказываются для вида, въ видахъ и подъ видомъ милости и милосердія. Подъ влияніемъ страха отъ усиленія пролетаріата и павперизма, монархическое начало стало искать огражденій порядка въ учрежденіяхъ общественныхъ, поручая имъ, подъ условіемъ имущественнаго ценза, самоуправленіе. Отъ мѣстнаго управленія до сосредоточенія его въ общемъ представительствѣ одинъ шагъ. Отъ представительства до столкновенія съ правительствомъ—другой. Третій шагъ будетъ поглощеніе правительства и проявленіе болѣе и болѣе республиканскаго порядка. Подкапываемыя въ своемъ авторитетѣ, правительства ищутъ опоры въ силѣ, въ военной силѣ, а чтобы установить, содержать и привязать ее, нужны деньги, а деньги дать представительство. Бюджеты растутъ и отъ займовъ, и отъ налоговъ. Бюджеты военные чрезвычайно несоразмѣрны. Эта внѣшняя опора подмываетъ монархію въ основаніи ихъ.

Лондонская выставка представила свѣту торжество человѣческаго искусства, которое, какъ и наука, предалось промышленности, устремились исключительно къ цѣлямъ положительнымъ. Изъ искусствъ, царица искусствъ поэзія упала до „Misérables“ В. Гюго, являющагося здѣсь прежнимъ памфлетѣромъ съ прибавкою устарѣлости и скуки. Наука превращается въ теорію осязательныхъ истинъ и въ самой Гер-

*) См. выше стр. 375.

маніи отдалась на службу партіямъ и днямъ, своди на своихъ страницахъ дневные листы въ толстые сборники, часто изящные и сподручные всякому при дешевомъ пособіи фотографій и литографій. Во всемъ видно стремленіе къ естественности, къ развязности и свободѣ: въ костюмѣ, въ образѣ жизни. въ общественныхъ удовольствіяхъ, въ вѣрованіяхъ и семейныхъ отношеніяхъ, въ служеніи партій и въ критикѣ авторитетовъ. Тамъ, гдѣ эта свобода не ограничивается установленнымъ общественнымъ бытомъ, мнѣніемъ, тактомъ, привычкою, она переходитъ въ наглость, нахальство, въ цинизмъ. Это говорится не о какихъ нибудь Пончѣ, Шаривари, Кладерадачѣ, Искрѣ, Гудкѣ и т. п. Это говорится не о канканахъ, которые въ „танцъ-классахъ“ нашихъ возмущаютъ даже рыцарей свистковъ и фельетоновъ. Я говорю о наглости въ самыхъ важныхъ отправленияхъ общественнаго и государственнаго организма.

Усиліе Италіи есть сдѣленіе нарушеній. Она дерзновенно внесла мечъ надъ главою церкви. Она вѣнчаетъ возмущеніе съ законностію. Она и не знала, что ей скажутъ: не касайся Рима, назначь другихъ министровъ, порѣши съ возмущеніемъ, стрѣляй въ Гарибальди. А разбой не прекращаются, дефицитъ огромный. Владыка Франціи, въ виду усиливающейся демократіи, поступаетъ властію; но поддерживаемый военною силою, онъ даетъ представленія въ Кохинхинѣ и Мексикѣ, возвращая бюджетъ до 2 миллиардовъ и суется надъ примиреніемъ въ Китаѣ, Черногоріи и Америкѣ.

Австрія и Америка служатъ примѣромъ, какъ непрочны рациональныя связи, не укрѣпленныя продолжительнымъ временемъ, и какъ тягучи связи историческія, не смотря на ихъ національность. Америка разрушается, а Австрія стоитъ и хотя, при вынужденной конституціи, сходитъ на второй планъ, но не безъ силы, блеска и достоинства. Различныя условія мѣстностей и народностей связаны узломъ въ Вѣнѣ, двѣ половины Америки распадаются и какъ бы ни распались еще болѣе.

Прекращеніе вывоза хлопчатой бумаги имѣло, въ 1862 г., страшныя послѣдствія. Застой работы и застой капиталовъ. Они—и работа и руки—могли бы ринуться въ другую Америку, занятую теперь внутренними преобразованіями, но неудавшіяся попытки остановили ихъ. 1862 г. показалъ, что употребленіе капиталовъ въ Россіи есть дѣло риска, а водвореніе иностранныхъ работниковъ, безъ старыхъ правъ колонистовъ, есть раззореніе и гибель.

Дѣло въ томъ, что преобразованія наши совершаются такъ быстро, такъ смѣло и такъ малообдуманно, что нарушаютъ самый естественный порядокъ постепенности, самыя основныя права установленнаго по-

рядка. Петербургъ, набравшись Европы, забылъ, что онъ въ Россіи, бѣдной, безлюдной и малограмотной. Кредита нѣтъ, трудъ дезорганизованъ, неудовольствіе общее. Прежде думали, что это дѣйствіе Константиновской партіи. Проваль сдѣлало положеніе 19 Февраля. Когда отовсюду раздались жалобы, оробѣвшая виновность бросилась на выкупъ, и выкупается всевозможными уступками: она даетъ бѣольшую свободу журналистикѣ, которой разомножилось до 12 ежедневныхъ журналовъ въ Петербургѣ; она вырабатываетъ обязательный выкупъ въ Россіи и повѣрочные инвентари въ Литвѣ; она обѣщаетъ самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ и предначертываетъ судопроизводство, которому бы позавидовали и свободный Англичанинъ, и идеалистъ Нѣмецкій. Она уступаетъ Финляндіи и Польшѣ больше, нежели совмѣстно съ цѣлостію Имперіи. Она терпитъ въ журналистикѣ выходки о національностяхъ несовмѣстныя съ достоинствомъ правильнаго управленія. Она дошла до такихъ прокламацій „Молодой Россіи“, до такихъ школъ коммунизма, до такихъ пожаровъ, наведшихъ ужасъ на цѣлую столицу въ полномъ вооруженіи, что не было сходки, гдѣ бы не разсуждали, какъ бы обезопасить себя отъ золь, независимо отъ правительства, и не было дворянскаго собранія, гдѣ бы не раздавались рѣчи подобныя постановленію Тверскихъ посредниковъ, Подольскаго и Минскаго дворянства. Литва и Польша въ осадномъ положеніи. Правительство отмѣнило откупъ, и имя Государя благословляется въ народѣ. Вытѣснивъ капиталы изъ банковъ и распространивъ ихъ по народу, правительство (особенно послѣ займа Рейтерна) увеличило значительно налоги. Это еще болѣе ослабитъ средства добровольнаго выкупа земель; ибо, и при прежнихъ налогахъ, поступленіе налога и выкупа было болѣе нежели невѣроятно. Выкупныя свидѣтельства и теперь упали до 90% и внутри, въ губерніяхъ, отдаются по 70%. Благостояніе и личность упали также. Мы все дѣлали, теперь придется раздѣлываться.

*

Вотъ и женѣ лучше, и дѣти хороши, а я все также недѣятеленъ, скученъ, апатиченъ. Старѣю. Слѣпну. Лѣнюсь. Точно я не выросъ до новаго порядка, точно я недоволенъ видимыми улучшеніями, точно я готовъ стать въ ряды Николая Безобразова и Петра Бланка. При ослабленіи зрѣнія или подъ этимъ предлогомъ я какъ бы избѣгаю дѣятельности, какъ аматѣръ получаю пакеты изъ Парижа и Лейпцига, а кругомъ дѣйствительность такъ поворачивается, формы наполняются другимъ содержаніемъ, понятія и воззрѣнія такъ обобщаются, а мнѣ и дѣла нѣтъ, точно я застрахованъ по старой описи.

Надобно что нибудь сдѣлать. Постараюсь сдѣлать.

Но дамъ отчетъ въ занятіяхъ служебныхъ. Вотъ чѣмъ я занимался.

Смѣты министерства. Онѣ важны потому, что въ первый разъ составляются послѣ отобранія капиталовъ и по новымъ правиламъ (22 Мая 1862 г.). Это трудъ обширный.

Лѣсной Д-тъ	приноситъ 3,305,561 р.	68 к.	требуетъ 1,748,643 р.
1-й Д-тъ	„ 4,695,996 р.	17 к.	„ 4,066,315 р.
2-й Д-тъ	„ 7,437,813 р.	91 к.	„ 2,596,170 р.
Д-тъ Сел.-Хоз.	„ 66,459 р.	88 к.	„ 961,812 р.
Канцелярія	ничего не приноситъ,		а требуетъ 243,814 р.

Итого 15,505,831 р. 64 к. 9,616,754 р.

Многое могло быть сокращено: директора, у меня собиравшіеся, соглашались. Еще болѣе могло бы быть сокращено безъ ихъ согласія, но остановились на томъ, что пусть сокращаютъ Совѣтъ и контроль. Судя по прочимъ смѣтамъ и зная наше управленіе, я нахожу, что наши смѣты есть неизвинительная роскошь.

Я теперь занятъ изученіемъ смѣтъ по нашимъ министерствамъ сравнительно съ главнѣйшими Европейскими по Чернигу и книгѣ де-Нерья (менѣе дающей, нежели обѣщающей).

Оберландскія дрова—это разборъ привилегій герцоговъ Якова и Петра, даровавшихъ „достаточное“ количество дровъ по 3 талера за сажень. Требуется снять эту сервитуду, которая гнететъ крестьянъ и лѣса, останавливаетъ частную предприимчивость и пахнетъ средними вѣсками.

Географическое Общество наше хромаетъ, и конечно теперь не до мирныхъ ученыхъ занятій посреди реформъ и лихорадочной дѣятельности. Выбранный въ ревизоры (по большинству баловъ я председатель), постараюсь указать на слабыя стороны и установить внѣшній, матеріальный порядокъ, котораго нѣтъ. Къ общему собранію отчетъ не приготовленъ, да едва-ли онъ окончится и въ Февралѣ.

Податная коммисія работаетъ усиленно. Даровавъ свободу, мы очень налагаемъ на подати. Нужны высокіе оклады. Нужно 60 мил. однихъ процентовъ по займамъ. Особенно живо разрабатывался вопросъ о пошлинѣ съ привознаго и акцизѣ съ туземнаго сахара. Здѣсь фискъ столкнулся съ частнымъ интересомъ, а въ этомъ интересѣ сцѣпились рафинёры и заводчики, а въ заводахъ сопоставились огневые и паровые. Для примиренія ихъ я подалъ особое мнѣніе (мотивированное бюрократіей) объ отмѣнѣ акциза и пониженіи (на столько, т. е. на 60 к.) пошлины съ пуда: вмѣсто 3 р. установить 2 р. 40 к. Въ глазахъ моихъ свеклосахарное производство есть отрасль сельскаго хозяйства, и стѣсненіе ея отзовется гибелью на богатѣйшихъ областяхъ Имперіи. Думать объ увеличеніи пошлины (дающей уже болѣе 3 т. р.) или акциза

(дающаго 500 т. р.) было бы не слишкомъ рационально, когда въ виду правительства болѣе 23 мил. съ четырехъ губерній, 44 мил. со всѣхъ югозападныхъ свекловичныхъ губерній поступаютъ въ прямыя подати и сборы, поступаютъ исправно и даже съ переборомъ смѣтнаго назначенія. И съ другой стороны, несовсѣмъ рационально губить огневые заводы паровыми, при такомъ акцизѣ и при такомъ учетѣ. А они погибнуть. Этого не скрываютъ ни администрація, ни паровые заводчики. Гр. Бобринскій и А. Абаза заявили это откровенно и гласно. Изъ 420 всѣхъ нашихъ заводовъ болѣе половины, почти $\frac{2}{3}$ огневыхъ, которые воздѣлываютъ обширныя посѣвы и употребляютъ до 60 т. рабочихъ въ то время, какъ общія полевыя работы прекращаются. Области эти заслуживаютъ особеннаго вниманія и потому, что послѣ Крымской войны сбытъ ихъ сельскихъ произведеній въ большомъ застоѣ, водочный акцизъ возвысился, банкротства въ огромныхъ размѣрахъ, и политическое броженіе вздорожило работы, которымъ предстоитъ еще рядъ работъ по желѣзнымъ дорогамъ, непремѣнно тамъ ожидаемымъ.

Экое громовое извѣстіе! Въ Польшѣ Варѣоломеева ночь: Русскихъ рѣжутъ, казармы поджигаютъ, желѣзныя дороги срыты, телеграфы повреждены. Государь сегодня объявилъ объ этомъ войску. Я какъ будто испугался. Вникнемъ въ дѣло. Чтò такое?

Пятый день, все тѣже вѣсти, ничего не поймешь. Только и слышишь: возстаніе, только и читаешь: бунтовщики, шайки. Всѣ журналы, даже *le Nord* изъ Парижа (корреспонденція изъ Варшавы отъ 18 6 Января) говорили и говорятъ о сборищахъ, о прокламаціяхъ Центральнаго Комитета, о посягательствахъ на лица и на селенія; а мы задались милостями и льготами, безпрестанно прощаемъ старыхъ изгнанниковъ, хватаемъ отдѣльныя личности, открываемъ какіе-то листы, публикуя, что нашли на слѣдъ; огласили тайныя статуты, дѣлаемъ приемы и выходы съ манифестаціями, щеголяемъ публичностію суда, вызываемъ кичливую болтовню адвокатовъ, и вдругъ возстаніе, незапное, врасплохъ, набатъ, рѣжутъ, жгутъ, Варѣоломеева ночь, Сицилійскія вечерни... Да что же это за правительство? Такъ Польша не удержать, а въ такомъ случаѣ нечего отдавать на убой несчастныхъ солдатъ.

Великій Князь Константинъ помѣшался на виѣшней популярности и ложномъ либерализмѣ. Также спѣшность, также путаница. Обуреваемый уновленіями и доведенный льстецами до мечты о своей геніальности, тотъ же безпорядокъ, который введенъ во флотъ, онъ ввелъ и въ Царство. Чтò удалось на пустынныхъ берегахъ приморья и въ полудикомъ населеніи Имперіи, не удалось и не могло удасться въ народѣ Европейскомъ, въ странѣ, переполненной политическими происками партій. На роду этому человѣку написана неудача. Неудача потому что въ

немъ нѣтъ самоотчужденія отъ преобладанія личности, потому что нѣтъ искренней любви къ правдѣ и закону, а главное потому, что братъ Государя дѣйствуетъ безотвѣтно.

Погожу, не прояснится-ли чтѣнибудь въ этомъ непонятномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе непонятномъ, что эмиграція не скрывала своихъ намѣреній, и даже у насъ подземная пресса такъ работала, что земля дрожала.

Полковникъ Петръ Семен. Лебедевъ, бывшій профессоръ Академіи и редакторъ „Инвалида“, долженъ былъ оставить эти мѣста не совсѣмъ почетно—и принялся за ученые труды и за литературу. Не имѣя точныхъ началъ, г. Лебедевъ не пользовался прочною репутаціею, и многіе называли его военнымъ Булгаринымъ, отдавая впрочемъ справедливость и разнообразнымъ его познаніямъ, конечно неглубокимъ, и дару слова, съ которымъ онъ могъ говорить часъ и часы о всякомъ ничтожномъ предметѣ. Чтобы составить себѣ положеніе, онъ бросился въ либерализмъ, въ оппозицію. Для людей съ неопредѣленными началами середина также свойственна, какъ и крайности. Онъ началъ тѣмъ, что открылъ въ Московскомъ Сенатѣ залу депутатовъ, мастерское произведеніе и монументальное помѣщеніе комисіи 1766 г., отданное начальствомъ на складку провіанта и потомъ для старыхъ дѣлъ. Здѣсь, въ архивахъ и въ топографическомъ депо. г. Лебедевъ отыскалъ матеріалы, разработкою которыхъ онъ и занялся для выраженія своихъ либеральныхъ воззрѣній. Послѣ нѣсколькихъ статей о стрѣлковыхъ батальонахъ (кажется) при Екатеринѣ, онъ напечаталъ въ „Отечест. Запискахъ“ довольно большую статью, вышедшую и отдѣльною книгою: „Графы Никита и Петръ Панины“. Имена эти громки въ нашей исторіи и въ нашемъ обществѣ, и г. Лебедевъ сокрушаетъ этихъ идоловъ съ ревностію фанатика исторической истины. Расшитая и разбитая книга эта замѣчательна не этимъ фанатизмомъ, къ которому современность сдѣлала насъ довольно терпимыми, а замѣчательна она тѣмъ, что ее писалъ профессоръ. Что же напишетъ и чего не напишетъ ученикъ этого профессора, когда самъ учитель личныя воззрѣнія принимаетъ за исходное начало, догадки за доказательства и отрывки и выдержки за акты обвиненія. Замѣчательна книга и тѣмъ, что цензура снизошла къ ней, пропустивъ разсужденія весьма незастѣнчивыя и дозволивъ напечатать акты довольно недавней эпохи (1799 г.), акты, полные интереса и заставляющіе читать плохой трудъ съ большимъ увлеченіемъ.

Желалъ бы я знать чтѣ думаетъ объ этомъ внукъ гр. В. Н. Панинъ, и неужели фамилія оставитъ распространеніе такого позорнаго сочиненія безъ опроверженія. Я думаю, дѣло критики и литературы, независимо отъ фамильныхъ соображеній, указать писателю его мѣсто и возстановить достоинство истины.

Къ усиленнымъ занятіямъ моимъ по службѣ прибавились занятія по Географическому Обществу. Ревизіонная коммисія представляетъ много затрудненій, и я едва-ли буду въ состояніи что нибудь выработать. А выработать есть что. Какъ всегда и все въ Россіи, Общество имѣло съ начала своего учрежденія эпоху процвѣтанія, дѣятельности напряженной и обширной, сочувствія общаго, покровительства отъ правительства весьма щедраго. Теперь все это прекратилось или прекращается: изъ членовъ одни лѣнятся, а другіе фантазируютъ. Учасгіе охладѣло. Покровительство устало. Дѣятельность замаялась. Довольно постоянно выдерживаютъ два элемента: Нѣмцы и чиновники. Изъ любителей, преданныхъ изученію, едва-ли не остановишься на Веселовскомъ, Далѣ, Ханьковѣ и Семеновѣ. Если присоединить къ нимъ Данилевскаго и Безобразова, то едва-ли не изчерпанъ будетъ весь запасъ нашихъ туземныхъ изслѣдователей. Я не говорю о Кеппенѣ и Бэрѣ. Они Нѣмцы и работаютъ какъ академики. Я не говорю о Заблоцкомъ, Гр. Павл. Небольсинѣ, Евг. Ламанскомъ, Срезневскомъ: они работали, доколѣ работали, какъ чиновники. Безъ Нѣмцевъ у насъ не было бы ни одной экспедиціи. Гофманъ, Гельмерсенъ, Шварцъ, Радде, Шмидтъ и многіе другіе. Безъ чиновниковъ у насъ не было бы и карты (Россіи), о которой такъ много и уже слишкомъ много восхваленій, вовсе незаслуженныхъ. Двѣ экспедиціи, Илійская и Харасинская произведены Русскими, но онѣ—произведенныя тоже съ помощію Нѣмцевъ—до сихъ поръ не изданы. Лучшее изданіе Общества, Словарь, начатъ и обезпеченъ Кеппеномъ. Я сомнѣваюсь въ счастливомъ его исходѣ, если не будетъ работать Нѣмецъ или не введется чиновничья рутина по найму. Со своей стороны я постараюсь изложить въ донесеніи ревизіонной коммисіи всѣ мною замѣчаемые недостатки: и равнодушіе членовъ, и запущеніе матеріаловъ (о внутренней торговлѣ, объ этнографическихъ описаніяхъ инородцевъ, о памятникахъ языка, о картахъ Ханькова), о недостаткѣ средствъ по невыгодности изданій, о неисполнительности задачъ на преміи, объ отсутствіи порядка матеріальнаго.

Но не должно забывать, что это общество ученое, хотя въ Россіи, и потому не-русское.

Польское дѣло разыгрывается страннымъ образомъ; но я вижу въ немъ не Польшу, а Европу, не мѣстныя и личныя страсти, а проявленіе того начала, которое давно работаетъ въ нѣдрахъ Европейскаго общества. Демократія, павперизмъ, социализмъ, республика, коммунизмъ, далѣе рационализмъ (называйте, какъ хотите), это рабы и шайки Катилины Римскаго міра. Какъ ни больно сердцу за несчастныя жертвы, какъ ни грустно встрѣчать сочувствіе къ этимъ ужаснымъ сценамъ убійствъ и грабительствъ, въ нашей журналистикѣ въ убѣжденіи мно-

гихъ, невольно подчиняющихся вліянію доктрины, но мнѣ еще больше тотъ страхъ, который охватываетъ сердце при мысли о нашихъ правителяхъ и о равнодушіи, съ которымъ трактуются судьбы великой Имперіи. Земля чувствуетъ слабого сѣдока и готова стряхнуться. Въ XVIII вѣкѣ господствовали теорія и наука, въ наше время—доктрины и журналистика. Да, міръ идетъ впередъ. Элементы развиваются. И потому (конецъ концовъ) вѣдь надобно же покончить съ Польшею. Съ того времени какъ журналистика начала разбирать и отстаивать Русскую національность въ западныхъ губерніяхъ (и даже „Сѣверная Почта“), я полагаю, что въ общественномъ мнѣніи отдѣленіе Польши уже рѣшено, и вопросъ состоитъ только въ степени отдѣленія или самостоятельности. Рационализмъ, а онъ теперь господинъ, говоритъ, что самостоятельность полная, свое управленіе, свои финансы, свое войско. Далеко-ли и до своей династіи? Тьеръ, въ 1848 г., сказалъ, что „раздѣлъ дѣло дурное, но виданное, а возстановленіе—дѣло прекрасное, но невиданное“. Тьеръ обманывалъ и обманывался, говорятъ панслависты. Великій князь ускоряетъ отдѣленіе. Но исторія такъ легко не раздѣляется. Да и самый вопросъ, удержимъ-ли мы Польшу или нѣтъ, есть уже рѣшеніе дѣла. То уже плохое право, которое требуетъ защиты и доказательствъ.

Много шума надѣлали: статья Мазада въ *Revue de deux Mondes*. „Deux Polonais de notre temps (Велопольскій и гр. Андр. Замоискій) и статья министра князя Горчакова въ „*Journal de St.-Petersbourg*“. „La légalité nous tue“, всѣми порицаемая. Она напечатана во вчерашнемъ № и вѣрно попадетъ на зубы журналистикѣ, такъ дурно организованной *).

Народъ пьетъ больше нежели исправно. По увѣренію всѣхъ винъ въ Январѣ продано больше нежели при откупѣ, по крайней мѣрѣ больше нежели рассчитывали и предполагали. Пьяныхъ видишь на каждомъ шагу и—черта замѣчательная—идетъ одинъ, идутъ двое, хвалятъ Царя: „дай Богъ ему подольше пожить, хорошій Государь: съ нимъ народу, какъ у Христа за пазухой, и волю далъ, на, поди, и дешевку далъ и бить не величь“ и т. п. Я самъ былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этой волей и съ этой дешевкой гораздо меньше порядка, чистоты и приличія. Обыкновенныя ругательства раздаются среди дня, среди улицы. И избѣгая всякаго столкновенія, всякой тѣсноты, невольно получишь толчекъ отъ расшатавшихся гулякъ и вольныхъ ходаковъ, даже солдатовъ, даже на Невскомъ Проспектѣ, полномъ гене-

*) Перепечатаны обѣ статьи въ *Le Nord* 20 Февр. № 51., но (неосновательное) слово *catholique* въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“ замѣнено другимъ: *fanatique*.

раловъ и офицеровъ. Особенно затруднительно положеніе женщины. Надобно надѣяться, что съ большею свободою выработается общественное мнѣніе, приличіе, тактъ. Иначе разнузданность дойдетъ до необузданности.

Разсмотрѣніе смѣтъ нашего бюджета идетъ полнымъ разваломъ. Сообщенныя государственнымъ контролеромъ замѣчанія и соображенія министра финансовъ грозятъ огромными сокращеніями. Этого слѣдовало ожидать. Иной цѣли и быть не могло, и огромныя цифры, которыя выставили министры, лишившіеся капиталовъ экономическихъ, должны были вызвать стремленіе къ сокращеніямъ. Но я думаю, что бюджетная реформа далеко не достигнетъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Отобранные капиталы израсходуются скоро, а принятые на ихъ счетъ казначействомъ расходы останутся на немъ постоянно, и тяжесть ихъ скоро будетъ невыносима. Прежде, интересъ вѣдомствъ требовалъ бережливости, и потому кромѣ постоянныхъ источниковъ бережливый министръ, какъ графъ Киселевъ, накопилъ капиталы, которыхъ одни проценты давали жизнь цѣлымъ отраслямъ. Теперь источники экономическихъ капиталовъ перешли въ казначейство, а накопленіе ихъ сдѣлалось невозможнымъ. Теоретически реформа права, но практически она гораздо невыгоднѣе и для казначейства и для управленій, и особенно невыгодна тѣмъ, что въ развивающемся организмѣ вводитъ такія стѣсненія въ свободу дѣйствій, при которыхъ остается искать надежды и огражденій въ одномъ формализмѣ. Онъ вреденъ даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ организмъ этотъ окрѣпъ. Татариновъ прельстился точностію счетовъ въ Бельгій и даже ея предварительнымъ контролемъ. Всѣ мы сочувствовали ему, имѣя передъ глазами расточительныхъ распорядителей, какъ Муравьевъ и военные наши правители. Бюджетъ 1863 г. выросъ, по случаю реформы, на 20 милл. р.

Я работаю теперь по бюджету нашего министерства съ моимъ министромъ Зеленымъ и—Боже мой!—какъ ожидать, чтобы дѣла шли хорошо, когда и толкуешь, толкуешь, не втолкуешь этимъ господамъ, что, какъ и гдѣ. Кромѣ того, что въ нихъ нѣтъ никакого знанія, что въ нихъ нѣтъ ни любви, ни прилежанія къ дѣлу, въ нихъ нѣтъ и никакой выдержки. Вся ихъ забота, вся ихъ работа и все ихъ значеніе и могущество, это фавёръ, минутныя его минуты и ихъ минутныя уловленія. Ну можно-ли служить въ настоящее время при такихъ условіяхъ!

О Польшѣ—ничего. Частныя схватки, мелкія побѣды, безъ жалости къ числу убитыхъ и раненыхъ непріятелей; а между тѣмъ и въ Ковнѣ, и въ Гроднѣ, и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ военное положеніе, а между тѣмъ и Фелинскій предлагаетъ (и принято) и Велопольскій настаиваетъ

(и одобрено); да, но въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ порядокъ, откровенность и послѣдовательность? Теперь-ли думать о національныхъ требованіяхъ, о гражданскихъ гарантіяхъ и строгой обрядности?

Да, это грустно; но должно сознаться, что для счастья, по нашему строю необходимъ порокъ или такъ называемый порокъ, и что дурень думкой богатѣеть. Да, но матеріализмъ (другими словами, социализмъ) беретъ свое. И возьметъ свое. Онъ ужасенъ, но онъ логиченъ и тѣмъ обольщаетъ умы благородные и чувства великодушныя. Странныя у насъ крайности въ уновленіяхъ: то какой-то Азіатскій деспотизмъ, то Европейскія фантазіи.

Польскія дѣла вступаютъ въ новый періодъ. Въ нихъ вступаетъ дипломатія. Говорятъ. Великій Князь требуетъ конституціи. Говорятъ, и Государь согласенъ. Въ парламентахъ національность и свобода вездѣ встрѣчаютъ сочувствіе, какъ тамъ, гдѣ свобода есть, такъ и тамъ гдѣ ея нѣтъ. Конституція вытѣснить Россію изъ Польши. Она вызоветъ конституцію и у насъ. Я все болѣе и болѣе вижу и предвижу раздраженіе умовъ и страстей. Все дѣлается вопросомъ, никому неловко; иной хочетъ, другой ожидаетъ быть большимъ. Воображеніе же у всѣхъ болитъ. Умъ постепенно заражается колебаніями. Убѣжденія шатки и по превратности, и по новости положенія, и по искренней неувѣренности.

Противъ обыкновенія иностранная цензура пропустила (le Nord. 1 Mars) слѣдующую фразу:... Aux sentimens humanitaires de l'Europe viennent s'en joindre d'autres, auxquels les réclamations en faveur de la Pologne empruntent une valeur toute particulière: *ce sont les sentimens unanimes de la nation russe, qui est lasse de se voir insultée chaque jour à l'étranger, de se voir attribuer un caractère oppresseur contre lequel protestent tous ses sentimens les plus libéraux et les plus généreux, se s'entendre en fin reprocher un état de choses, dont elle ne peut ni ne veut plus être rendue responsable*“.

Если дозволеніе такого протеста и объясненія не есть знаменіе времени и невнимательность, то я не знаю, куда идетъ и придетъ правительство, допустившее настоящее состояніе Царства, за которое нація отказывается раздѣлять съ нимъ отвѣтственность.

Если бы я не удивлялся всѣмъ незрѣлымъ преобразованіямъ нашимъ, то причину этому я бы нашелъ въ понятіяхъ моихъ о нашемъ Государственномъ Совѣтѣ. Дряхлое это учрежденіе, обветшавшая его организація, канцелярская его обстановка до того плохи, несамостоятельны, что оробѣвшее сословіе это неспособно ни къ серьезной оппозиціи, ни къ зрѣлой иниціативѣ. Уновленія, самая смѣлая, самая непрактичныя, идутъ и проходятъ скоро и гладко. Несостоятельность

Совѣта особенно явилась при разсмотрѣннй финансовыхъ смѣтъ на 1863 г. по новымъ формамъ. Я говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми членами Совѣта и получилъ то убѣжденіе, что они вовсе не понимаютъ въ чемъ дѣло. Канцелярія дѣлаетъ съ ними чтò хочетъ. Кажется, преобразование Совѣта должно бы быть сдѣлано прежде всѣхъ преобразованій. Желая, чтобы ни Россія, ни Государь въ томъ не раскаялись.

Ну наконецъ я покончилъ съ Географическимъ Обществомъ, и на дняхъ мы подпишемъ наше донесеніе Обществу о ревизіи дѣйствій за 1862 годъ.

Главный недостатокъ, который я замѣчаю въ ходѣ дѣлъ Общества, это недостатокъ дѣятельности, энергіи, участія и слабость Русскаго элемента. Работаютъ Дерптскіе ученые за деньги, и только. Лѣнливый не выбирается въ члены. Ихъ дѣйствительныхъ около 500, сотрудниковъ столько же, а работъ нѣтъ. Эти члены и рѣдко ходятъ, совѣмъ не ходятъ и денегъ не платятъ. Выберутъ ихъ въ комиссію, они примутъ выборъ, а къ дѣлу не явятся. Мы, ревизіонная комиссія, собирались три раза, и три раза были только я, Княжевичъ и Ивашинцовъ. Въ каждомъ отчетѣ множество похвалъ и обѣщаній, а расхваленныя предпріятія—этнографическіе матеріалы, памятники языка, инородцы, Мордва, статистическій атласъ, обзоръ внутренней торговли, путешествія Семенова и Ханькова и др.—предпріятія эти не исполняются. Это бездѣйствіе и эта безпечность имѣли гибельное вліяніе на общественныя дѣла во всѣхъ отношеніяхъ: въ матеріальномъ—членскіе взносы все уменьшаются. Когда-то они доходили до 4000 р. Сбытъ изданій, доходившій до 3500 р., упадетъ и теперь значитъ менѣе половины (за исключеніемъ карты, 1862 г.), а библіотека завалена старыми и новыми, особенно роскошными, никому ненужными атласами. О прежнихъ пожертвованіяхъ, при которыхъ обороты доходили до 125 т. р. въ годъ, теперь и помину нѣтъ. Вся надежда на 10 т. р. даваемыхъ правительствомъ. Но чтò всего грустнѣе, это то, что участіе публики охлаждается замѣтно и постепенно. Когда-то присылались рукописи тысячами, потомъ сотнями, а теперь десятками. Этого мало: и правительство вынуждено смотрѣть на общество подозрительно. Устройвъ политико-экономическій комитетъ и думая о какихъ-то соціальныхъ, этнографо-статистическихъ, бытовыхъ экспедиціяхъ, Общество готово было перенести въ свой комитетъ всѣ текущіе вопросы управленія и политики и задаться программами Рила, чтобы выработать Русскую физиологику. Правительство заставило его закрыть этотъ комитетъ, и онъ закрылся, окончившисъ комическою страницей отчета, прочитанною секретаремъ, напечатанною въ двухъ доставленныхъ мнѣ оттискахъ, но изъ розданнаго всѣмъ отчета выпущенною. Если Общество пойдетъ такъ, оно выродится и

сдѣляется безплоднымъ. Это была руководящая моя мысль, и это старался я выразить въ предложеніи о пересмотрѣ устава, въ усиленіи средствъ продажей залежавшихся изданій и въ изданіи сочиненій, которыя давно обѣщаны, на которыя употреблены частныя и казенныя деньги. Я сожалью, что не выразилъ довольно безопасное веденіе дѣлъ матеріальныхъ и довольно мечтательное веденіе дѣлъ ученыхъ. Я боялся и недовѣрія моихъ сочленовъ, и неудовольствія нынѣ дѣйствующихъ лицъ *). Изъ послѣднихъ всего менѣе отвѣчаютъ своему назначенію: вице-предсѣдатель Литке, не отличающійся гуманностію, и секретарь Безобразовъ, отличающійся гуманною суетливостію. Въ изученіи этого дѣла мнѣ очень много помогли мой сборникъ отчетовъ съ 1847 по 1862 включительно и обзорніе всѣхъ изданій Общества, какія у меня были подъ руками. Сочлены мои конечно не могли такъ вооружиться, и потому аматѣръ явился между ними сильнѣйшимъ представителемъ.

Человѣкъ весьма часто и не подозреваетъ и не понимаетъ, что онъ есть механическое, произвольное орудіе дѣйствій въ сферѣ самыхъ нравственныхъ и отвлеченныхъ отправленій. Поэтому физическое здоровье, плотность населенія, педагогическую выдержку я считаю существеннѣйшими условіями всякой человѣческой организаціи: семейства, общины и государства.

Изъ Польши нѣтъ ничего опредѣленнаго. Слышны шайки, отряды, прокламаціи тайнаго верховнаго комитета. Шутя и не шутя говорятъ, что Велопольскій не отыщетъ этого комитета, по той простой причинѣ, что комитетъ засѣдаетъ у него и подъ его предсѣдательствомъ. Но вѣдь надобно что нибудь сдѣлать, когда прекратятся эти схватки шаекъ. Дать конституцію? Это будетъ новая война. Отдѣлится отъ Имперіи? Но Царство потребуеетъ границъ по Днѣпръ. И чего хотять Велопольскій и Замойскій, два претендента на первенствующую роль въ Русской Польнѣ? Возстановленія? Оно рѣшительно невозможно. Это значило бы идти назадъ, за 1772 годъ. Исторія не воротится. Прошедшаго не воротить уже и потому, что его нѣтъ. Самые благонамѣренныя виды Государя въ этомъ смыслѣ (какъ ласкаютъ слухъ его Русскіе и Польскіе Славянофилы) были противны благу Россіи, спокойствію Европы и твердости всего Славянскаго міра. Славянофилы это доктринеры. Въ нихъ много тягучести, потому что ихъ ученіе обнимаетъ будущее и потому что неопредѣленное тяни сколько хочешь. Практическое у нихъ то, что принадлежитъ всѣмъ: это уваженіе національности, и только,

*) Особенно жалю, что не настоялъ на указаніи двухъ явленій: 1, безуспѣшность въ усвоеніи лучшихъ статистическихъ приемовъ и 2, безуспѣшность всѣхъ задачъ Общества. И въ томъ и въ другомъ оно виновато.

уваженіе языка, вѣры и обычаевъ. Мечтать о какой-то конфедераціи значитъ вызывать перевороты, народную мстительность и войну партій.

Настоящія затрудненія истекають изъ порядка вещей, установленнаго императоромъ Николаемъ. Отмѣнивъ конституцію, онъ 25 лѣтъ угнеталъ и въ глаза осмѣивалъ несчастную націю. Нація замолкла, и лучшіе ея представители или удалились въ свои помѣстья, или эмигрировали. Эмиграція нашла пропаганду; населеніе Царства отказывало правительству во всякомъ содѣйствіи и терпѣло его какъ непріятельское вооруженное занятіе. Эмиграція занялась организаціей и соединилась съ другими ей подобными: она писала, читала лекціи и печатала свои увлеченія, покровительствуемая журналистикой, оппозиціей и симпатіей всѣхъ, къ несчастію націи. Лекціи Мицкевича и курсъ военныхъ наукъ Мирославскаго воспіяли національное чувство. Правительство совершенно отворотилось отъ высшихъ и образованныхъ сословій и заботилось о крестьянинѣ: ему нужно было имѣть за себя массу. Свободная по кодексу Наполеона масса эта была еще крѣпка помѣщику, и правительство привязывало ее къ себѣ обѣщаніемъ свободы, а помѣщиковъ держало устрашеніемъ повторенія Галиційской рѣзни. И тѣ и другіе молчали. Суегилось и волновалось среднее сословіе, горожане. На него-то особенно начала дѣйствовать эмиграція, земство съ правительствомъ, города съ революціей. Дворянство стояло уединенно. Отъ него отдѣлилось и духовенство. Здѣсь появляются на сценѣ маркизь Велопольскій и гр. Андрей Замойскій. Умеръ Императоръ, умеръ фельдмаршалъ Паскевичъ, и начались счеты и расчеты ихъ непредусмотрительнаго, самоувѣреннаго управленія. Продолжалъ его князь Горчаковъ, ни на что неспособный и полуразвалившійся старецъ. Велопольскій примкнулъ къ правительству, надъ которымъ имѣть огромное преимущество; Замойскій организовалъ земское общество, получившее авторитетъ національнаго правительства. Съ нимъ, не оставляя эмиграціи, соединились горожане (Варшавцы). Велопольскій обратился къ крестьянамъ и выработывалъ законъ объ очиншеваніи. Правительству угрожало остаться одному. И духовенство отъ него удалилось. Здѣсь начинаются тѣ событія, которыя совершились передъ нашими глазами. Прежде виновато было военное управленіе, оскорблявшее и народность, и законность; теперь начинается правленіе слабое, желающее искупить вину снисхожденіемъ и льготами. Революція обняла всѣхъ горожанъ. Тайныя прокламаціи, тайная организація комитетовъ и арміи adeptовъ. А правительство уступало все болѣе и болѣе. Правители смѣнялись помѣсячно. Лидеръ, Сухозанетъ, графъ Ламбергъ; ни одного порядочнаго имени, на которомъ бы остановилось общественное довѣріе. Земское общество закрылось, и національные потоки сосредоточились въ революціи.

Очиншеваніе обнародовано, Велопольскій и съ нимъ Польская администрація обезсилили и Русскую полицію, и Русское войско. Правительство осталось на мели. Тогда-то начала открыто дѣйствовать революція, и Велопольскій придумалъ двѣ мѣры, чтобы удержать національные потоки отъ соединенія съ нею: онъ изгналъ гр. Замойскаго *), лишивъ земство любимаго своего представителя, и устроилъ рекрутскій наборъ, чрезъ который онъ полагалъ всѣхъ буйныхъ горожанъ изгнать въ отдаленныя мѣста Россіи. Справившись съ правительствомъ, Велопольскій хотѣлъ справиться и съ революціей. Онъ ошибся. Вспыхнулъ бунтъ. Эмиграція имъ воспользовалась и стекается со всѣхъ концовъ Европы. Духовенство перешло къ ней и увлекаетъ за собою дворянство и шляхту. Велопольскій ошибся главнѣйше въ томъ, что считалъ сильнѣйшимъ врагомъ правительство, а не революцію, и ослабивъ его слишкомъ и прежде времени, оставилъ революціи свободное поле, не взвѣсивъ, что нынѣ никакая революція невозможна иначе какъ въ смыслѣ социальномъ. Жалкая роль выпала на долю Россіи и Великаго Князя. Я того мнѣнія, что мы уступать не должны. Но я не могу дать себѣ отчета, какимъ образомъ устроить Русское правительство послѣ всѣхъ уступокъ и послѣ того какъ управленіе Велопольскаго восторжествуетъ надъ революціей.

*

Дефицитъ оказывается значительный, но непреодолимый. Въ расходахъ большую роль играетъ контрольная реформа о единствѣ кассъ, а въ доходахъ не значатся займы; при томъ же послѣдніе, доходы, показаны въ обратномъ противъ расходовъ содержаніи, т. е. въ уменьшенномъ размѣрѣ. Не показано точно о возвышеніи податей и ожидаеніи возвышенія по многимъ сборамъ.

Вообще, какъ первый опытъ, финансовыя смѣты представляютъ довольно грубый первобытный матеріалъ, въ которомъ ухищрительно вращается ловкій столоначальникъ, доказывая необходимость тѣхъ расходовъ, которые производила широкая рука какого-нибудь Муравьева, Головина и Великаго Князя-адмирала изъ *своихъ* суммъ, изъ *особенныхъ* капиталовъ, изъ *спеціальныхъ* назначеній. Но не эта любопытная дѣятельность столоначальниковъ занимаетъ меня, сторонняго наблюдателя. Меня занимаетъ, какъ другіе столоначальники, государ. секретарь Бутковъ и его сотрудникъ Заблоцкій, исполненные желчи и личныхъ измѣщеній, обрабатываютъ этихъ, такъ называемыхъ, молодыхъ министровъ и какъ эти министры думаютъ торжествовать, задаваясь гнѣ-

*) К. Н. Лебедевъ не зналъ, что графъ Замойскій долженъ былъ покинуть Польское Царство по личному приказанію Государя, послѣ того какъ онъ позволилъ себѣ, въ личной бесѣдѣ, въ Петербургѣ, предъявлять Польскія права не только на Кіевъ, но даже и на Одессу, такъ какъ-де Польшѣ нельзя оставаться безъ моря. П. Б.

вомъ на новаго государственнаго контролера (Татаринова) и отыгрываясь фразами и паэосомъ противъ напористыхъ замѣчаній государственной канцеляріи. Дѣло доходить до брани, до ругательствъ. Канцелярія дѣйствительно командуетъ Совѣтомъ и министромъ, какъ Краббе (буфонъ), Головнинъ (рѣдкая даровитость), Зеленый (ничтожество), Мельниковъ и Замятнинъ (лѣжни) и Валуевъ (красноглаголивый красавецъ). Неимѣющимъ никакого сочувствія въ средѣ сочленовъ Совѣта, или младенствующимъ старцамъ, или отставленнымъ предшественникамъ, или непризваннымъ въ время преемникамъ, дѣйствительно приходится жутко. Они, и при помощи своихъ дѣльцовъ и литераторовъ, вертятся какъ чѣрты передъ заутреней. Достаточно прочесть объясненія Краббе, Зеленаго, Головнина, Мельникова, чтобы посмѣяться какъ *недоразумнiя* Буткова и Заблоцкаго (или ихъ необнаруженный умыселъ) заставляютъ плясать по своей дудкѣ людей, вовсе не учившихся пляскамъ. Дѣло въ томъ, что это недоразумѣіе или этотъ умыселъ можетъ обойтись Имперіи очень дорого, и потому-то я записываю эту страницу.

Государственная канцелярія смѣшиваетъ два предмета: себя и смѣты. Себя она считаетъ парламентомъ, смѣты она принимаетъ за отчеты управленія. Дурнаго тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ у насъ нѣтъ парламента и нѣтъ отчетовъ, а и то и другое очень нужны: но дурно здѣсь то, что составъ Совѣта вовсе не отвѣчаетъ этому требованію и хотя выборъ статсъ-секретарей и ихъ помощниковъ дѣлаетъ честь началству, тѣмъ не менѣе однако, во всѣхъ замѣчаніяхъ и разсужденіяхъ этихъ господъ просвѣчиваютъ то желчь, то натянутость, то упорство и даже мстительность. Личность и парламентъ несомнѣсны. Это можетъ уронить честь управленія. Пройди смѣта путей сообщенія какъ обставилъ ее Заблоцкій, Мельниковъ потеряетъ и послѣдній вѣсъ въ своемъ вѣдомствѣ. Мельниковъ и Рейтернъ, довольные своимъ положеніемъ, помалчиваютъ, думая: пусть себѣ хорохорятся, мы сидимъ и надѣмся посидѣть и усидѣть. Головнинъ и Зеленый, уже слишкомъ довольные, не спускаютъ, а отгрызываются, думая: если бы мы и оставили мѣста — а мы ихъ не оставимъ — такъ что же? Мы не безъ средствъ. Особенно Головнинъ. Передъ вступленіемъ въ министерство онъ получилъ акціями пароходства и торговли 100 т. и можетъ рассчитывать на 17 т. р. Получилъ онъ это за труды по преуспѣянію Общества, а оно правительству дивиденда не платитъ, существуетъ его пособіями и номинальною платою, и акціи его представляютъ 60 к. на рубль. Это все еще ничего. Вступая въ м-во, этотъ господинъ началъ раздавать мѣста, либеральничать и сорить деньгами. Въ мѣстахъ недостатка бы не было, если бы камарадерія не дѣлала выбора затруднительнымъ. Либеральничать онъ могъ свободно въ „С.-Пбургск. Вѣдомостяхъ“ и теперь въ

„Голосъ“, не оставляя кольнуть Валуева (къ чести его должно сказать, что лежачихъ, Норова, Ковалевскаго и Путятина, онъ въ *журналахъ* не бьетъ; онъ бьетъ ихъ въ тихомолку, въ объясненіяхъ Государственному Совѣту). Въ деньгахъ недостатка нѣтъ. Онъ выпросилъ кредитъ, по неотложной надобности, въ 500 т. р. Это *вдвое* противъ Муравьева. И тутъ-то начинается, чѣмъ Татариновъ долженъ былъ бы завершить, закончить дѣло. Но я забылъ сказать, что при вступленіи въ м-во безкорыстный Головиннъ отказался отъ министерской квартиры, отдавъ ее подъ VI-ю гимназію и тѣмъ изваливъ на казначейство до 20 т. р. расходовъ. Въ замѣнъ *всталъ этихъ мшений* Рейтернъ исходатайствовалъ ему Наполеоновское содержаніе, 21 т. р. Хорошо. Но Наполеонъ, покупая талантъ, покупалъ и совѣсть (министры его безотвѣтны); а Головиннъ могъ-ли спекулировать на эту статью? Едва-ли. Мы до этого не дошли. Какъ Головиннъ сорить деньгами, это видно изъ употребленія чрезвычайныхъ кредитовъ. Въ 1862 г. онъ испросилъ кредитъ въ 56 т. р. на ученія предпріятія, пособія и предпріятія. Въ 1863 г. онъ внесъ этотъ кредитъ въ смѣту. Но тутъ является контролёръ Татариновъ и просмотрѣлъ счета. Чтò же оказалось? По 8 Декабря израсходовано 51,461 р. 64 к. „на пособія чиновникамъ д-та, канцеляріи и лицамъ, служащимъ при учебныхъ заведеніяхъ, на канцелярскіе расходы и на разные расходы“. Есть конечно и ученія предпріятія. Такъ эти господа соряютъ государственными деньгами. Невольно скажешь спасибо Валер. Алексѣев. Татаринову за проведенную имъ контрольную реформу, и старику графу Гурьеву, поддержавшему эту реформу. Татариновъ велъ дѣло упорно и ловко. Ему же обязанъ и основательнымъ разборомъ бюджетъ 1863, потому что министръ финансовъ и д-тъ экономіи только повторяютъ его соображенія, прибавляя отъ себя или общія замѣчанія или мѣстныя казначейскія свѣдѣнія.

Скоро Дмитрію моему, Митѣ моему, исполнится 8 лѣтъ. Онъ еще на женской половинѣ, у матери и гувернантки. Пора бы ко мнѣ, но боюсь. Покойный Саша по 5-му году спалъ уже въ моемъ кабинетѣ. Предразсудокъ несчастнаго опыта меня отталкиваетъ. Ребенокъ очень деликатнаго здоровья, и я не прочь укрѣпить въ живомъ его характерѣ элементъ женственности. Сравнительно со мною, развитіе и ученіе его немного поотстали, но они не запущены, и въ свое время (однако не ранѣе года) систематическое образованіе можетъ быть начато свободно. Онъ будетъ подготовленъ. При впечатлительности и раздражительности его, я принялъ безусловнымъ правиломъ дѣйствовать на него мягкостью, любовью, убѣжденіемъ сердца. Я не думаю, чтобы слабость, самолюбіе отца могли идти далѣе. Я долженъ отдать справедливость прекрасному ребенку: онъ отвѣчаетъ любви нашей, и я не знаю, чего нельзя сдѣлать

изъ этого воска, размяченнаго дыханіемъ нашей нѣжной заботливости. Общій любимецъ всѣхъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, онъ очень далекъ отъ того, чтобы быть баловнемъ, и если иногда покапризится („насупится, похныкаетъ, поплачетъ, покричитъ“—техническіе термины), то развѣ отъ самолюбія, главнѣйшаго недостатка моихъ дѣтей, или забидить сестру, кроткую и благоразумную красавицу Тату, которую онъ любитъ какъ своего двойника. Все это не мѣшаетъ ему быть послушнымъ, исполнительнымъ и любезнымъ. Онъ пишетъ, читаетъ по русски и французски, болтаетъ съ своей Швейцаркой *Olympe Sonner*, играетъ, ловокъ въ мячикъ и воланъ, поетъ до 20 романсовъ, прилеженъ, любознателенъ и уменъ. Большихъ способностей, глубокости и упорства въ трудѣ я не ожидаю. Мы благодаримъ Бога за дарованіе намъ прекрасныхъ дѣтей, составляющихъ наше счастье.

*

Прусскій король опять придумалъ праздники и установилъ новую медаль: въ воспоминаніе „воззванія къ моему народу 17 Марта 1813 г.“ и постановленія памятника отцу своему, Фридриху Вильгельму III. За обѣдомъ на 2,500 человекъ король говорилъ привѣтствія мертвымъ и живымъ и молилъ Бога, да „сохранить храбрую армію, дабы, обновленная и усиленная, она была готова для новыхъ побѣдъ“. Королю отвѣчалъ фельдмаршалъ Врангель, величая: да здравствуетъ *Unser ritterlicher Kriegsherr, der Vater seines Volks*“. Русская депутація, Русскіе мундиры блистали при церемоніяхъ и на обѣдѣ. И все это Вильгельмъ I-й производитъ въ то время, когда профессора въ камерѣ прижали правительство къ стѣнѣ и систематически рѣжутъ статьи бюджета, когда Польша объята возстаніемъ, и Русско-прусская конвенція вызвала ноту Франціи съ просьбою „не ставить себя и имперіи въ затруднительное положеніе“. Я понимаю эти затѣи, если правительство хочетъ измѣнить конституцію страны; но зачѣмъ же раздражать представительство и Францію? Покойный Фридрихъ Вильгельмъ IV договорился до 1848 года. Вильгельмъ I договорится до Рейна. Наполеону представляется такая счастливая комбинація, что если онъ еще не извелся, трактаты 1815 г. окончательно рушатся; болѣе рациональное распредѣленіе государствъ дастъ ему симпатіи въ Европѣ, и неисторическое королевство Прусское останется при своемъ рациональномъ значеніи. Но Наполеонъ пресытился и пожалуй отдастъ дѣло демократіи и социалистамъ—и пошла писать! А матеріалу много.

Революціонное движеніе въ Европѣ далеко не успокоилось и едва ли успокоится. Оно теперь опирается на новое начало народныхъ массъ, выражающееся или въ самоуправномъ установленіи у себя правительства или въ свободномъ вспомошествованіи одной массы самоуправнымъ тре-

бованіямъ другой. Династическое начало окончательно упало, и Пруссія празднества Гогенцолерновъ („еще не созрѣвшихъ для того, чтобы служить украшеніемъ парламента“, какъ въ Англіи) не поднимуть его даже до той семейной искренности, которая праздновала бракъ принца Уаллійскаго въ Англіи. Значеніе Пруссіи, какъ первостепеннаго государства, есть дѣло случайное и, такъ сказать, личное. Оно основано на униженіи Саксоніи и уничтоженіи Польши. Наполеону III легче нежели дядѣ его поставить Бранденбургскую монархію на свое мѣсто. Но къ чему всѣ эти перевороты: выиграетъ-ли отъ этого человѣчество? Война—дурное средство. Служеніе личнымъ интересамъ никогда не увѣнчивалось прочнымъ успѣхомъ.

Нѣтъ сомнѣній, что мы идемъ къ конституціи. Хотя бы этого правительство и не хотѣло, мы придемъ къ ней: къ ней ведетъ насъ Польша, ведетъ гласность, ведутъ реформы. И объ этихъ-то реформахъ я хочу поговорить, прочтя проекты земскихъ учреждений.

У насъ, по западной модѣ, теперь въ ходу мысли о *самоуправленіи*. Англичане не выходятъ изъ моды, *selfgovernment*. Оно нигдѣ не удалось въ той мѣрѣ, какъ дѣйствуетъ въ метрополи и какъ желали бы привить его подражатели и поклонники. Причину неудачи я вижу въ одномъ: въ недостаткѣ публичной жизни, а причину ея отсутствія въ недостаткѣ гласности. Излишняя централизація, слабость либеральныхъ учреждений и степень образованности—въ глазахъ моихъ причины второстепенныя. Гласность не обусловливается журналистикою. Это органъ ея, но неисключительный. У насъ теперь журналистика въ большомъ ходу, но гласность слаба, а публичной жизни совсѣмъ нѣтъ. Самоуправленіе есть право, возможное и дѣйствительное при извѣстномъ развитіи общества. Прудонъ въ „*La guerre et la paix*“ послѣ всѣхъ прежнихъ увлеченій, доходившихъ до отрицанія власти, до дикаго коммунизма, приходитъ къ разсужденію, послѣ котораго самоуправленіе на долго для Франціи было бы однимъ идеаломъ. „Что сдѣлали бы Англія, цѣлой массой народа, если бы нарушено было право одного лица? Она возстала бы противъ нарушителя“ (Мекóле), другими словами: это то, что написано во Франціи 3 (14) Сентября 1789—1791 г. „*la résistance à l'oppression*“. Но, увы, говорить и дѣлать, писать и исполнять, большая разница. Въ Англіи это не написано—и дѣлается, во Франціи написано, узаконено и не исполняется.

Мы теперь говоримъ и пишемъ.

Мы повторяемъ Юсіафа Втораго, но я думаю, что незрѣлыя реформы наши обойдутся еще дороже. Странно одно, что они могутъ насильственно разыгратъ кровавыми сдѣлками: молодые министры наши галванизируютъ, раздражаютъ и пытаются Россію.

Вотъ и указъ (1 Марта, обнародованный 10-го) о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ съ 1 Мая 1863 г. въ Литовскихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Если правительство вынуждено было принять эту мѣру, чтобы парализировать происки Польскихъ помѣщиковъ, то я опасаюсь за развитіе бунта въ Литвѣ и за усиленіе и безъ того сильной ненависти ея къ Россіи. Если это принято по донесеніямъ Назимова, я сомнѣваюсь въ ихъ справедливости. Во всякомъ случаѣ эта мѣра есть мечъ обоюдоострый, и произвольное законодательство, распоряжающееся такъ собственностію, пожалуй для вида законности, распространится и на насъ. Говорятъ, въ Совѣтѣ было за эту мѣру только четверо: Валуевъ, Милютинъ, Рейтернъ и Зеленый. Нашъ вѣкъ играетъ и положеніями, и фортуною, и собственностію. Нисходя къ массамъ, правительства ускоряютъ демократизацію. Всего менѣе готова для этого Россія, и всего менѣе нужно это намъ.

Въ Польшу требуются еще войска. Посылаютъ стрѣлковъ. Посылаютъ кирасировъ. Я не сомнѣваюсь, что съ весною партизанство разовьется еще болѣе, и аматёры-республиканцы, соціалисты и вся эта армія пролетаріата налетятъ со всѣхъ сторонъ. И немудрено. Франція явно поощряетъ Польскія партіи. Не только принцъ Наполеонъ, но и рѣчь Бильо исполнены симпатій и ожиданій. Французскія дипломатическія ноты присвоили себѣ право ценсорства. Въ Пруссіи они требуютъ отмѣны конвенціи 8 Февраля, Россіи заявляютъ *sans dissimuler la situation pénible, dans laquelle la France se trouverait placée si les espérances d'améliorations que le gouvernement russe avait fait entrevoir ne se réalisaient pas*. Австрія, играя двусмысленную роль, получаетъ одобренія „*de s'être gardée de la faute, dans laquelle est tombé le cabinet de Berlin en signant la convention de St. Petersbourg*“. Англія предлагаетъ коллективную ноту. Франція такъ мало пожалала ливровъ въ Кохинхинъ и Мексикъ, что при малѣйшемъ успѣхѣ этихъ аматёровъ она милости наши признаетъ слабостію и обѣщаетъ народному волненію опору и содѣйствіе. Бильо и теперь хвалится сочувствіемъ Франціи къ оппозиціи Прусскихъ депутатовъ и отсрочиваетъ вліяніе Франціи на Русскій кабинетъ по случаю радикальныхъ реформъ, предпринятыхъ внутри Александромъ II. Говорятъ, рѣчь Бильо очень понравилась и въ Тюльери, и въ Зимнемъ дворцѣ. Кромѣ рѣчи Лярошжакеленя*) мнѣ ни одна не понравилась, ни этого сорванца, принца Наполеона, ни фразистаго Бильо, который не можетъ ничего сказать, не прославляя своего владыку и не порицая всѣ предшествовавшія правительства.

*) Матеріалы для этой рѣчи, имѣющіе характеръ конфиденціальной дипломатіи, доставлены маркизу Николаемъ Милютинымъ отъ его дяди, графа Киселева.

А у насъ, въ Польшѣ, на границѣ, чтò! Въ Псковской губерніи запутанность растетъ и развивается. Потрясенные атомы, наполняющіе огромное тѣло, находятся въ постоянномъ движеніи, перемѣщеніи и броженіи и дѣлаютъ все тѣло подвижнымъ, летучимъ, ненадежнымъ. Нерѣшительность на каждомъ шагу и во всемъ. Строгость преслѣдованій и постоянныя помилованія. То назначаютъ гр. Берга, то гр. Сумарокова, то гнетутъ дворянство, то предписываютъ гминамъ и войтамъ исполнять ихъ требованія въ отношеніи крестьянъ, то даютъ указъ 1 Марта, исключительно крестьянской. Такъ дѣло идти не можетъ. Пожалуй, принцъ Наполеонъ и правъ: „это хуже чѣмъ при Николаѣ“.

Министръ—г. Зеленый министр—спрашивалъ меня: какую бы награду желать я къ этой Святой, нашему наградному сроку? Конечно землю, тысячи три десятинъ? Конечно аренду въ 1500 р.? Нѣтъ. Я просилъ—слѣдующій чинъ.

Вы упрекаете отца *семейства*, *бѣднаго* отца семейства въ суетности? Ну, нѣтъ. Суетности тутъ нѣтъ. Я объяснюсь въ послѣдствіи.

Эти денежные и земельныя раздачи я считаю расхищеніемъ государственнаго достоянія и. не участвовавъ въ немъ прежде, я не хочу участвовать и теперь, особенно теперь. Если бы дали не спрося, я бы взялъ; но такъ какъ спросили, то счелъ приличнымъ отклониться отъ участія. У меня этихъ инстинктовъ впрочемъ никогда не было.

Польское возстаніе выясняется. Оно поддерживается заграничными симпатіями и внутренними замѣшательствами. Петербургское дворянство представило Государю адресъ преданности, изъявляя готовность на всякія жертвы. Заграничныя симпатіи мы знаемъ съ 1831 г., когда начались онѣ постоянно являться въ адресахъ Французской палаты. Онѣ довольно терпѣливы, какъ показываетъ время, и вѣроятно не потеряли бы терпѣнія и теперь, если бы въ положеніи нашемъ ничего не измѣнилось. А въ положеніи этомъ измѣнилось многое. Послѣ Крымской кампаніи мы „пріѣхали въ Парижъ, чтобы поцѣловать ту самую руку, которая насъ побилъ“ (какъ выразился принцъ Наполеонъ). Мы потеряли курсъ и до сихъ поръ возстановить не можемъ и терпимъ убытки. Мы потеряли рынки и, главное, мы залпомъ, заразъ приступили къ окончательнымъ кореннымъ реформамъ и если не поколебали зданія, то запутали и перепутали внутренній строй его такъ, что и сами не можемъ опредѣлить незапно вызванныхъ и искусственно созданныхъ отношеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не удовлетворя ниоднаго изъ пробужденныхъ инстинктовъ, сдѣлали недовольными всѣхъ, а незапность и крутость перемѣнъ породили оппозицію. Для Польши требуютъ амнистіи и конституціи. И Александръ II-й дастъ, онъ дастъ все, чего бы у него *ни потребовали*: онъ уступитъ всякому представленію, всякому препятствію. Но давая

конституцію Польшѣ, какъ же онъ не дастъ ея Россіи? Незрѣлостію отзываться нельзя. Въ Россіи вводятся учрежденія утонченной образованности. Конституція ихъ скрѣпитъ и освятитъ. Вотъ тутъ начнется настоящая борьба съ правительствомъ и—страшно сказать—начнется опять крѣпостной вопросъ. Освобожденіе крестьянъ сдѣлано, въ юридическомъ отношеніи, съ нарушеніемъ правъ дворянства, и дворянство, составляя большинство и лучшія силы представительства, заставитъ правительство дать ему вознагражденіе на счетъ казначейства.

Дѣло о раздѣлѣ братьевъ Шереметевыхъ (сыновей моего министра) мною, кажется, кончено. Говорю кажется, потому что я этимъ окончаніемъ очень недоволенъ. По требованію одной стороны прибѣгли къ жребію, и этотъ слѣпой господинъ совершенно перепуталъ дѣло, представивъ коренное имѣніе моему кліенту, Василью, который не хозяинъ и хозяиномъ не будетъ. Я уступилъ. Въ интересахъ моего кліента это прекрасно, но въ интересахъ дѣла и семейства это результатъ самый отрицательный. Мнѣ уступать не слѣдовало.

Журналистика захватила и разрабатываетъ Польско-русскій вопросъ, и должно сознаться, она, въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ свободной цензуры, развилась замѣтно, особенно подъ перомъ даровитой редакціи „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Говорятъ, статсъ-секретарь князь Оболенскій на дняхъ читалъ Государю и Государынѣ статьи Каткова „Русскій вопросъ“ и дополнительныя къ нему въ Вѣдомостяхъ по дѣламъ Польши. Статьи понравились и если онѣ выражаютъ общественное мнѣніе, то верховная власть готова удовлетворить требованію этого мнѣнія. Въ наше неосмотрительное время, власть, расшатавшаяся отъ собственнаго волненія, ищетъ опоры во всемъ: въ щедрости-расточительности, въ реформахъ-незрѣлыхъ преобразованіяхъ, въ милости—амнистіи незаслуженной, въ популярности, нисходящей до искаательства, въ журналистикѣ и даже въ уличной толпѣ и солдатскихъ рядахъ. Какъ попъ, такъ и приходъ: Головинъ, Валуевъ и даже Милютинъ. Бывши въ Москвѣ, Государь удостоилъ особеннаго вниманія журналистовъ, особенно Каткова. Ихъ приглашали на балы во дворецъ, имъ обѣщали всякое поощреніе. И вотъ, подъ влияніемъ этого обаянія, Катковъ началъ разрабатывать политику; а когда огласилась дерзкая рѣчь принца Наполеона, наговорившаго все что только можно придумать оскорбительнаго, Катковъ дозволилъ себѣ такъ развернуться, что сталъ катать сплеча. Я вѣрю, я знаю, я вижу слабость нашего правительства, и слабья его мѣры слабость эту еще погоняютъ. Дошли до того, что говорятъ о конституціи, о скорой конституціи, о конституціи демократической. Катковъ выставляетъ примѣръ Австріи и хочетъ, чтобы Царство Польское было въ отношеніи Россіи тоже что

Галиція къ Австрій, Познань къ Пруссіи За западныя наши области вся Россія встанеть какъ одинъ человекъ, не то что въ Крымскую войну, когда народъ, сражаясь за идею, не могъ выказать всей своей силы. Катковъ порицаетъ дарованіе конституціи 1815 г. Мы уже очень расщедрились. Онъ находитъ невозможнымъ, чтобы господствующее племя въ государствѣ пользовалось меньшими правами, чѣмъ племя подвластное. Онъ намекаетъ, что общая конституція сольетъ и скрѣпитъ весь организмъ Имперіи въ ядрѣ и составныхъ частяхъ его. Можетъ быть, этому повѣрятъ. Можетъ быть, это примутъ. Слабость падка на обольщенія, и вѣкъ имъ потворствуетъ. Намъ непремѣнно хочется и колется дойти до того, чтобы мы слышали сперва *on vous trompe, on vous trompe*, а потомъ, когда скажутъ: мы знаемъ, мы узнали—*c'est trop tard, c'est trop tard*. Но въ Московской доктринѣ что ни слово, то ошибка, подражаніе, заимствованіе, *plagiat*. Это сказано много. Едва-ли такъ. Я постараюсь это доказать, я постараюсь показать, что если въ этомъ есть самостоятельность, то самостоятельность не публициста, а народнаго чувства, національнаго сознанія, которое дѣйствительно должно возмутиться и возмущается, читая эти ноты Англійскихъ лордовъ, Французскихъ батаровъ и даже Австрійскихъ сплетниковъ: объ устройствѣ Польши,—Польши, которая никогда не могла устроиться и для которой нѣтъ, немислима другая участь, какъ отдѣльной провинціи великаго Славянскаго, Русскаго государства.

Польское дѣло двигаетъ свободу и волненія мысли, словъ и дѣла все болѣе и болѣе шире, глубже. Замѣчательная свобода печати, требующей то конгресса („С.-Пбр. Вѣдомости“), то общей съ Имперіею конституціи („Голосъ“ и „Моск. Вѣдомости“), то земскаго собора („День“), откровенно порицаетъ порядокъ Варшавскаго управленія, парализирующій усилія самыхъ войскъ, „кокетничая“ съ военнымъ положеніемъ. Дворянство и гражданство отовсюду шлютъ адреса; выраженія преданности и готовности на жертвы слышатся въ раскольникахъ, въ селахъ. Въ югозападныхъ губерніяхъ крестьяне формируютъ команды, заставы и объѣзды. Край истощается, гибнетъ. Будущность хуже настоящаго. Раздражительныя ноты Англии, явныя и тайныя дѣйствія пропаганды поддерживаютъ и раздуваютъ возстаніе. Полки наемныхъ демократовъ стекаются отовсюду. Кажется, Польская эмиграція вступила въ соглашеніе съ анархистами. Правительство съ достоинствомъ отвѣчало на ноты, представленныя въ одинъ день (5 Апрѣля) и назначила почти западнаго намѣстника, извѣстнаго своею энергіей Мих. Ник. Муравьева, вѣшателя. Общее мнѣніе такъ раздражено, что одобряетъ это назначеніе. Всѣ желаютъ отозванія великаго князя Константина. безъ чего никогда не откроютъ ни тайнаго правительства, ни типографій

печатающихъ четыре газеты. Настаиваютъ на строгомъ военномъ положеніи, требуютъ возстановленія Русской администраціи.

*

Вотъ конченъ и нашъ бюджетъ на 1863 годъ. Разсмотрѣніе его все вполнѣ легло на реформатора нашего контроля, стат.-секр. Татаринова и по ограниченности сферы его обязанностей и, нерѣшительнаго, еще новаго положенія личнаго. Оно не принесло желанной пользы, а въ Министерствѣ Финансовъ и въ Госуд. Совѣтѣ оно было бѣдно и жалко. Да и что же можетъ Государств. Совѣтъ въ его настоящемъ составѣ и въ настоящемъ учрежденіи? Министръ финансовъ сумѣлъ представить фальшивый déficit и потомъ очень легко изъ него выбраться. Государств. канцелярія дѣлала выборки изъ заключеній Татаринова (А. П. Заблоцкій сдѣланъ статсъ-секретаремъ), департаментъ держался министровъ и толстыя, переполненныя смѣты утверждены почти въ первоначальной цифрѣ. Доходовъ исчислено 318,830,644 р., а расходовъ 334,535,913 р. (съ недоборомъ), 15 милліоновъ недостатка покрываются билетами казначейства, а по моему мнѣнію, они должны бы пасть на акцизы съ вина, табаку и соли. При лучшемъ разсмотрѣніи Совѣтъ могъ бы достигнуть значительнѣйшихъ сокращеній и не только не дѣлать новаго долга, но передать остатокъ на погашеніе старыхъ.

*

Ослабленіе зрѣнія требуетъ, чтобы я посовѣтывался съ знаменитыми окулистами: Грефе, Дондерсъ и Бланше, и я завтра ѣду въ чужіе края. Какъ все можетъ случиться и я могу умереть, то считаю нужнымъ выразить здѣсь мою послѣднюю волю. Жизнь мнѣ очень дорога, потому что я очень счастливъ, и послѣднее слово молитвы моей и послѣдняя воля моя будутъ объ участи моей благородной жены и моихъ ненаглядныхъ Дмитрія и Натальи. Богъ видитъ, какъ я имъ—и этимъ крошкамъ—глубоко признателенъ.

Я не дѣлаю формальнаго завѣщанія, потому что послѣ меня остается жена, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ и замѣнитъ меня. По полученіи извѣстія о моей кончинѣ прошу Леонида помѣстить коротенькую біографическую статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, чтобы по этому поводу, въ силу моей послѣдней воли, передать мою глубокую благодарность всѣмъ моимъ роднымъ, друзьямъ, знакомымъ и чужимъ, съ кѣмъ я сталкивался въ жизни, за ихъ любовь, дружбу, одолженія и благосклонность ко мнѣ и просить ихъ объ участіи къ моему семейству.

Я желаю лежать въ Рябинкахъ*) возлѣ батюшки, который мнѣ отдалъ свою любимую дочь. Я желаю лежать въ гробѣ по низшей цѣнѣ

*) Орловской губ. Болховскаго уѣзда. П. Б.

таксы. Я дарю церкви картину-копію Іоанна Богослова изъ моего кабинета и билетъ въ 100 рублей въ пользу причта за служеніе молебна 11 Ноября*).

Назначая душеприкащиками моими тайнаго совѣтника Гагемейстера, генераловъ В. А. Обручева, Ев. Ник. Норова, статскихъ совѣтниковъ Ѳ. И. Отто, А. В. Симанскаго и Н. М. Горбунова, а также Е. Н. Горбунову, В. Д. Обрѣзкову и Екат. Александр. графиню Шулембургъ (кого, по завѣщаніи, они изберутъ изъ себя) и прошу ихъ, подумавъ, обсудивъ и помолясь Богу, устроить и обезпечить положеніе моего семейства. Я прошу о милости. Гордыня моя никогда этого не знала. Надо быть очень счастливою, чтобы просить ее мнѣ. Милости, милости, Христа ради! Я прошу у генераль-адъютанта Зеленаго и статъ-секретаря Рейтерна назначить семейству моему получаемое мною содержаніе, по примѣру другихъ, въ пансіонъ, вычитая изъ него долгъ, числящійся за мною по книгѣ 2-го департамента. Послѣдніе годы я служилъ мало, но гр. Панинъ не откажется засвидѣтельствовать, какъ я служилъ 1840—1856 годы, да генераль Зеленой и о послѣднихъ годахъ не лишитъ семейство отозваться, какъ говорилъ онъ мнѣ лично и докладывалъ Государю Императору. Я всегда служилъ добросовѣстно и безкорыстно. Я этимъ хвалюсь.

Долговъ я не имѣю, но могутъ быть недоплаты въ магазинахъ В. Исакова, Вольфа и Шмитцдорфа, портному Оливье и сапожнику Фохту, а также въ магазинахъ Бегрова и Вьюшина. Долгъ казенный долженъ уплачиваться изъ пансіона. Если бы этотъ долгъ и крайность семейства потребовали, то можно продать мою коллекцію официальныхъ тетрадей и проэктовъ и самую библіотеку, но не иначе какъ съ аукціона и съ предварительнымъ оглашеніемъ. Въ библіотекѣ множество книгъ съ моими подробными замѣтками. Я прошу объ этомъ племянника моего Леонида Константиновича и надѣюсь, что онъ исполнитъ дѣло отчетливо. Ихъ сохранить Мнѣ. Желаю, чтобы всѣ родные и друзья мои получили изъ вещей моихъ какія нибудь бездѣлки на память. Я буду жить между ними и послѣ смерти.

Второе путешествіе за границу.

Я отправился на пароходѣ 11 Мая въ Любекъ и возвратился въ Петербургъ 20 Іюня въ полночь, посѣтивъ тамъ: Берлинъ (недѣлю), Саксонскую провинцію, Магдебургъ (недѣлю), Парижъ (недѣлю), Нормандію, Руанъ, Фекамъ, Діеппъ (недѣлю) и Лондонъ (шесть дней). Я израсходовалъ 1000 рублей. Я дамъ отчетъ въ моей повѣздкѣ. Теперь я

*) Положить меня въ гробъ, купленномъ по таксѣ цѣною въ 2 р. 80 к. Но мои служебныя отличія должны участвовать въ церемоніи.

еще убить Лондономъ и ничтожностію моего отечества въ его докахъ и даже въ гостиницахъ Парижа послѣ Парижскаго договора 1856 г. Посѣтивъ Европу черезъ 20 лѣтъ (мое первое путешествіе было въ Іюнь—Октябрь 1842 г.), я вынесъ то старческое убѣжденіе, что матеріализмъ, демократія и корысть все болѣе и болѣе берутъ верхъ, что все средоточится на политикѣ, на палатахъ, что администрація и самый судъ падаютъ и гнутъ на совѣсть, а добросовѣтность умалывается, и что вообще, замѣчая успѣхъ въ количествѣ, я долженъ засвидѣтельствовать объ упадкѣ прогресса въ качествѣ, разумѣется кромѣ матеріальныхъ интересовъ, которые съ парами и желѣзомъ вездѣ приняли колоссальные размѣры. (21 Іюня). Записываю на память.

Все дышетъ войною. Журналы, адреса, разговоры переполнены увѣреніями преданности Государю, грозными вызовами Европѣ и тягостными чувствами нескрывяемаго униженія Имперіи въ Европейскомъ сеймѣ. Этого мало, что, получивъ ноты, отвѣчали назначеніемъ Муравьева въ Вильну, смѣщеніемъ Польскихъ чиновниковъ и новыми посылками войскъ, нѣтъ, хотя и требуютъ, чтобы всѣ 6-ть предложеній были категорически отвергнуты и отвергнуты такъ, чтобы исходомъ переговоровъ была война. А между тѣмъ перемѣна министерства, т. е. министровъ въ Парижѣ и слухи отъ отставкѣ Дж.-Росселя указываютъ, что въ Англии и Франціи вопросъ о войнѣ далеко не рѣшенное дѣло. Да и едва-ли есть причина, скажу болѣе—поводъ къ войнѣ. Ея не было въ 1831 г. Ея никогда не было. Спорять два государства, изъ которыхъ одно поглощаетъ другое. Международное право не терпитъ никакихъ измѣненій. Трактаты не нарушены. Николай I въ 1832 г. отвѣчалъ на вызовы Запада: „Дѣла Польши суть дѣла внутреннія, Польша есть моя провинція. Подъша Вѣнскаго договора уже не существуетъ“. Наши дипломаты, вытертые изъ прежняго положенія и желая занять его снова, не смѣютъ говорить языкомъ Николая, и застрашенные поднятыми національностями и рѣшимостію Наполеоновъ и Гарибальди попрасть всякіе трактаты, согласились поставить Польскій вопросъ въ сферѣ международнаго права, и тутъ начинается путаница. Россія, вызвавшись на обмѣнъ мыслей, считаетъ вопросъ однако внутреннимъ и грозитъ возстаніемъ всѣхъ городовъ и весей на Европу, если бы она вздумала вмѣшаться въ это дѣло. Европа, настаивая на исполненіи Вѣнскаго мира, предлагаетъ однако перемиріе воюющимъ, т. е. обращаетъ дѣло въ вопросъ о самостоятельной національности, а Польша вовсе не думаетъ о Вѣнскихъ статьяхъ и вовсе не согласна на перемиріе въ этомъ смыслѣ, требуя и требуя огнемъ и мечемъ и веревками ни болѣе ни менѣ какъ королевства въ предѣлахъ 1771 г. Къ этому присоединились еще двѣ путаницы: неопредѣленная система управленія Великаго

Князя-намѣстника и провинціальная система Московскихъ политиковъ. Великій Князь стоитъ на томъ, что лучшее управленіе есть просвѣщенная монархія, ограниченная просвѣщеннымъ снисхожденіемъ и искупленіемъ прошедшаго помилованіями, отмѣною конфискацій и широкою автономіею. Это привело къ анархіи и къ военной диктатурѣ. Московскіе политики требуютъ для Царства того же учрежденія, какое Австрія дала Галиціи, Пруссія Познани, т. е. сравнятъ Царство съ Калугой или Эстляндіей. Славянофилы требуютъ, чтобы спросить самую Польшу, чего она хочетъ. Первые желаютъ конституціи, вторые—земскаго собора. Въ журналѣ „Время“ этотъ роковой вопросъ рѣшается уступкою Польшѣ всѣхъ западныхъ губерній, такъ какъ цивилизація Царства, по изысканіямъ Славянофила Кирѣевскаго, достигла, и давно, высшаго развитія и по всеисторическому закону должна подчинить себѣ развитія менѣе зрѣлыя. Пунктъ тяготѣнія этихъ странъ къ Варшавѣ.

Я, едва пріѣхавшій изъ заграницы, утомленъ этимъ чтеніемъ и оглушенъ этими возгласами, скажу болѣе (ибо говорю о молодомъ государствѣ) этими криками анархіи.

Всѣ хоромъ трубятъ славу Муравьева за энергію и находчивость его въ подавленіи возстанія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Ему подносятъ адреса, пьютъ и шлутъ тосты. Я не сомнѣвался, что съ назначеніемъ его строгія мѣры, на которыя онъ очень склоненъ и падокъ безразлично и которыя онъ не остановится распространить на виноватыхъ и правыхъ, скоро подавятъ бунтъ; но временное диктаторство только и можетъ имѣть, что отрицательныя послѣдствія, и послѣдствія эти у Муравьева не только отвѣчаютъ минутъ или настоящему, а забираются и въ будущее. Онъ не только сокрушитъ повстанцевъ, но раззоритъ въ конецъ все дворянство. Онъ систематически сроетъ временные притоны на все дворянство. Онъ повѣситъ и разстрѣляетъ зачинщиковъ, участниковъ и попустителей, которые давали совершаться событіямъ, дрожа отъ страха и терпя отъ этихъ событій и лицомъ и животомъ своимъ.

Придетъ время, когда бывшій министръ, дѣйствовавшій подъ исключительнымъ вліяніемъ своего Польскаго департамента (Рудницкій, Кейстуть—Гедиминъ, Войшкунскій, Кавецкій, Саковичъ, Шакно и др.) дастъ отчетъ, въ какой степени приняты имъ системы повѣрочной люстраціи и фермъ способствовали тому, что Польскій элементъ сосалъ казенныя имущества, и крестьяне казенные, очень равнодушные къ бунтовщикамъ, мало лежали и къ правительству, которое держало ихъ для Жидовъ и пановъ такъ фискально, что правительство не могло рассчитывать на ихъ сочувствіе.

Мнѣ казалось, и я этого не скрывалъ, что систематическое фискальство въ рукахъ Поляковъ, люстраціонные и межевые чины исключительно Поляки—нисколько не соотвѣтствуетъ видамъ великой Имперіи, которая должна усвоить себѣ эти губерніи, заключающія въ себѣ элементы преимущественно не-польскіе: Литовскій и Русскій. Мнѣ казалось, что система новой люстраціи и фермъ истощаетъ народъ и ослабляетъ правительство.

Шестаковъ удаленъ отъ мѣста. Надобно выразить ему участіе. Я не охотникъ ни до него, ни до нея, но ошельмованіе, и прежде уже чувствительное, теперь такъ гласно, что оставаться въ службѣ было бы подлостью. Великій Князь сдѣлалъ моряковъ деньгожадными и фронтёрами. Иванъ Шестаковъ тоже мнѣ казался такимъ. Онъ давно говорилъ мнѣ, что его назначаютъ главнымъ командиромъ, вмѣсто Новосильскаго. Его назначили помощникомъ. Теперь и изъ помощниковъ отчислили. Я бы оставилъ службу. Деньгожадность не въ моихъ вкусахъ. И. Шестаковъ не останется.

Я познакомился и все это время видѣлся довольно часто съ молодой Обручевой (Екат. Никол., рожденная Философова), которая, ребенокъ, почти одна одиухонька въ пустомъ Петербургѣ. Мнѣ она очень нравится. Величайшій ея недостатокъ это ея молодость. Едва-ли ей есть 17 лѣтъ. Не знаю почему, сдается мнѣ, что она недолговѣчна („таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“) и что она и по привычкамъ, и по вкусамъ попала не на свое мѣсто, хотя семейство, въ которое она вошла, отличается домашними добродѣтелями. Въ этомъ кругу молодая моя пріятельница очень похожа на василекъ во ржи.

*

Дипломаты не хотятъ выпустить изъ рукъ Польскаго вопроса. Революція не стихаетъ. Грубые инстинкты доходятъ до одичалости. Какъ на первыя ноты мы отвѣчали назначеніемъ Муравьева, такъ на новыя ноты (гдѣ уже 6 пунктовъ, а есть угроза, могущая превратиться въ ultimatum) мы отвѣчаемъ отъѣздомъ Великаго Князя изъ Варшавы и Муравьевскими тамъ распоряженіями графа Берга. Мы въ нашихъ нотахъ немножко зарпортовались и, кажется, редакція ихъ отъ тостовъ и адресовъ немного подгуляла.

Въ самомъ дѣлѣ, точно-ли возстаніе есть одностороннее волненіе демократовъ и соціалистовъ, и мы съ нашими арміями и кордонами, не можемъ съ нимъ сладить, или это возстаніе обнимаетъ все классы, и военное подавленіе парализируется страдательнымъ равнодушіемъ, презрѣніемъ къ нимъ всего населенія? Чтò такое за тайное и такое страшное правительство подземныхъ комитетовъ, которое перевѣшиваетъ наши распоряженія, организуетъ, печатаетъ декреты и издаетъ журналы?

Я сомнѣваюсь. Я полагаю, что, и признавая значительную долю вліянія космополитовъ, демократовъ и Палерояльскихъ происковъ, возстаніе должно признать національнымъ, и безуспѣшность его происходить отъ двухъ причинъ: возстаніе, давно задуманное, не созрѣло въ своей организаціи и рано прорвалось, рассчитывая на счастливый поводъ рекрутскаго набора, и во вторыхъ оттого, что крестьянская реформа проохладила приверженность низшаго класса къ гадательной мысли о самостоятельной Польшѣ.

*

Мои пріѣхали. Какъ ты похудѣлъ, мой милый Митя! Лихорадка его замучила, и опять воспаленіе въ головкѣ. Худа и Тата, плоха и мать. Польза кумыса пропала и продолжительное пребываніе въ Саратовскихъ садахъ совершенно не удалось. Но они пріѣхали, слава Богу. Гора съ плечъ!

Обязательный выкупъ Съверо-западныхъ губерній распространень и на юго-западныхъ. Я всегда былъ противъ подчиненія правъ собственности политическимъ соображеніямъ. Колебать все равно, политически или социалистически. Съ указа объ освобожденіи крестьянъ съ землею, земля подъ нами заходила. Развитие и реформы пошли такъ ненормально, ускоренно, революціонно, что надобно быть готову на все, и всѣ готовы на все. Я вовсе не удивлюсь, если обязательный выкупъ будетъ распространень на центральныя и прочія губерніи. Демократизмъ напираетъ сильно и, разъ найдя широкое русло, онъ не останавливается ничѣмъ и ни на чемъ. Онъ затопляетъ всѣ историческія преданія (у насъ же они такъ не сильны) и ведетъ неотступно къ матеріализму. Въ соединеніи съ социальною собственностію онъ близокъ—онъ ближе нежели думаютъ—къ коммунизму.

Мнѣ присланы 22 сенатскія записки, для обсужденія разногласій сенаторовъ на консультаціи, куда я назначенъ членомъ. Какое тяжелое впечатлѣніе сдѣлали на меня эти обвѣтшавыя формы судопроизводства, это изложеніе механическое, многословное, это отсутствіе всякихъ выработавшихся въ практикѣ и теоріи юридическихъ началъ, этотъ слогъ, наборъ казенныхъ фразъ земско-судебнаго покроя. И все это терпится, продолжается въ виду, въ присутствіи новыхъ, утвержденныхъ и обнародованныхъ основныхъ положеній судебнаго преобразования. И какая масса, наводненіе частныхъ дѣлъ, продолжающихся годы, предрѣшающихъ существо предмета; они вносятъ въ процессъ кляузничество, канцелярскія уловки и путаницу. Дѣло пятьдесятъ разъ разсматривается, суды про-

творѣчатъ себѣ и въ изворотахъ, по разнымъ инстанціямъ: что вошло въ законную силу, что въ срокъ не обжаловано, что взято на апелляцію. Какую порчу должно вносить въ среду общества такое безобразное судопроизводство! И сколько пищи и взяточничеству и сутягамъ!

Другое тоже неприятное впечатлѣніе произвело на меня и новое поколѣніе судей. съ которыми я расстался съ Ноября 1856 г. По свойству нашихъ судебныхъ формъ, приучающихъ къ усыпленію энергіи въ обрядности, или по величію современныхъ вопросовъ, отодвигающихъ текущія обязанности на задній планъ, или наконецъ въ виду реформъ суда, торжественно обѣщанныхъ и готовыхъ совершиться, я замѣтилъ такое опрометчивое, оплошное и равнодушное разсмотрѣніе дѣлъ, что всѣ эти сенаторы и секретари жуютъ и пишутъ, а про себя повторяютъ— „скучно“. Для примѣра укажу на рѣшеніе Сената о Московской комиссіи словеснаго разбирательства. 7-й департаментъ признавалъ ее судебнымъ мѣстомъ, когда дѣло шло о мѣщанахъ Залкиндѣ, Травинѣ и под., но вотъ явилась сенаторша кн. Долгорукова, и общее собраніе рѣшило, что это полицейская инстанція, и такъ запутала подсудность комиссіи, что члены ея встали въ тупикъ. Указъ общ. собранія 9 Октября 1862 г. остановилъ дѣла. Я ничего не говорю о Сенатѣ Московскомъ, всегда падкомъ передъ сенаторшами: но что сказать о явно неправильномъ толкованіи закона, которое прошло чрезъ руки оберъ-секретарей, сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ въ д-тѣ, потомъ въ общемъ собраніи, потомъ юрисконсульта, консультаціи и генераль-прокурора? *).

И мы, опять консультація, такъ легально рѣшили: пересмотрѣть рѣшеніе съ высочайшаго соизволенія чрезъ Комитетъ Министровъ. Признаюсь, сидѣть мнѣ въ этой компаніи несовсѣмъ ловко. Что значать непрерывно испрашиваемыя гарантіи строителями нашихъ желѣзныхъ дорогъ? Ожиданіе убытковъ не есть-ли постройка на авось? Убыточность построекъ не есть-ли доказательство дурнаго выбора мѣстности и недостатка въ развитіи оборотовъ? Чѣмъ вознаграждается приплата отъ казны, данная въ неопредѣленное или продолжительное время? У насъ всѣ дороги, кромѣ Коломенской, требуютъ приплаты.

*) Замѣченное мною ослабленіе юридическихъ знаній я приписываю одностороннему вліянію *partii*, монополіи правовѣдовъ. Самонадѣянность и затѣмъ увѣренность и оплошность чрезвычайны. Мнѣ рассказывалъ оберъ-прокуроръ Семеновъ о продѣлкахъ съ нимъ оберъ-секретаря Фриде и о поддержкѣ, которую онъ, Фриде, нашель во всѣхъ товарищахъ и даже въ товарищѣ министра. Онъ говоритъ, что они объѣдутъ и меня. Можетъ быть, но что же въ этомъ хорошаго и какую роль играть Замятининъ?

Я не клоню къ тому мнѣнію, что намъ рано строить желѣзныя дороги, но я думаю, что намъ надо ихъ строить по своему. Говоря по своему, я не хочу сказать—согласно съ геніемъ народа. Я хочу сказать: дешевле, кое-какъ, безъ затѣй. Я думаю даже съ г. Герсевановымъ—конныя. У насъ нѣтъ не только хорошихъ, быстрыхъ путей, у насъ осенью и весною нѣтъ никакихъ.

„Русскій Вѣстникъ“ (1863. Май, № 5) доказываетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой литературѣ не появляется на свѣтъ, относительно, такъ много всякой мерзости. Нигдѣ общественное мнѣніе не находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ у насъ, и нигдѣ вслѣдствіе того общественное слово не подвергается такому злоупотребленію. Нигдѣ такъ много не пророчествуютъ, не верхоглядствуютъ, не благовѣствуютъ, какъ у насъ, нигдѣ такъ не празднословятъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ все это не является въ такой отчаянной несоразмѣрности съ количествомъ дѣльной мысли, серьезнаго труда и разумнаго слова. Нигдѣ, наконецъ, такъ много не толкуютъ о народныхъ началахъ, о почвѣ, о самостоятельности, о заимствованной цивилизаци, которую слѣдуетъ бросить, о самобытной цивилизаци, которую должно начать сызнава. Все это признаки дѣйствительно неутѣшительныя“. И въ заключеніи статьи (по поводу статьи „Роковой вопросъ“), г. Катковъ заявляетъ: „Такихъ роковыхъ вопросовъ можно бы набрать бездну изъ всего того, чтò пишется и говорится у насъ“.

Конечно, это преувеличено. Люди избалованные (какъ г. Катковъ) становятся капризными и требовательными. Это преувеличено. Но, судя по дѣйствіямъ цензуры здѣшной и Московской, часть эта совершенно разлагается и не знаетъ чтò и какъ дѣлать. Въ этомъ умышленномъ курсѣ, какъ и въ биржевомъ, я вижу нехорошее предвѣстіе. Онъ показываетъ, что постоянства въ погодѣ нѣтъ и что атмосфера заражена.

Я все ничего не дѣлаю и не записываю, а дѣла идутъ страшными шагами, съ ужасающею стремительностію.

Рѣчь Наполеона. Отмѣна Вѣнскихъ трактатовъ. Паденіе нашего вексельнаго курса и прекращеніе размѣна, смерть Датскаго короля и неминуемая война, основанія которой противорѣчатъ международнымъ актамъ, а предѣлы необозримы. Все такъ двигалось, что даже Польскій вопросъ сдвинулся на задній планъ. Выдвигаются все больше и гуще народныя массы.

Для меня это понятно. Я вижу новый этапъ, къ которому подходятъ закованные колодники. Они все по немногу сбрасываютъ тяготящія цѣпи и дружнѣе и веселѣе идутъ на встрѣчу будущему. Демократическое начало, вмѣстѣ съ социализмомъ, напираетъ все сильнѣе и сильнѣе. Оно давитъ власть, организуя и общественное мнѣніе. Оно давитъ собственность, истощая ее налогами и всякими сборами.

Мое сенаторство наклевывается. Замѣтннѣе обѣщали назначить меня сенаторомъ, но—въ Москву. Это измѣняетъ дѣло. Такъ какъ предложеніе мнѣ сдѣлано въ видахъ пользы службы, для пополненія недостатка дѣловыхъ сенаторовъ въ Москвѣ, то я не могъ не изъявить согласія. Но я обдумую, хотя долженъ сознаться, что въ душѣ я уже рѣшился принять сенаторство даже въ Москвѣ. Мнѣ давно уже не нравится духъ личностей Мин. Гоеуд. Имущ. и по живости моего характера я опасаюсь столкновенія съ товарищемъ министра, человекомъ скорымъ, избалованнымъ успѣхами и самоувѣреннымъ. Прежде исхода не было, но теперь есть. Я имъ воспользуюсь. На совѣтѣ съ сослуживцами, мнѣ совѣтовали подождать, чтобы имѣть время получить аренду или землю. Но для меня эти соображенія второстепенны, и изъ за нихъ я не останавлиюсь. Впрочемъ, обдумую. Еще обдумую.

Вотъ кончился и 1863 годъ. Я сенаторъ.

Весь годъ все было въ вопросѣ. Вопросъ Итальянскій висѣлъ надъ головами, всталъ вопросъ Польскій, за нимъ неожиданно—Датскій. Во всѣхъ громко кричить и сильно напираетъ демократія, и не одна туземная, но вообще социальная. Правительства дѣлають уступки за уступками; общественное мнѣніе, обуреваемое смѣлыми теоріями, подается, массы группируются и готовы установить свои банки, свои имущества, свои повременныя сборища, свои наборныя полчища. 1863 г. съ своими вопросами двинулъ этотъ институтъ общественности чрезвычайно сильно и готовъ возвести его въ начало, въ чинъ, въ законный порядокъ. Этому должно было ожидать при дѣйствіи нынѣшнихъ такъ называемыхъ конституцій, которыя есть ничто иное какъ арена борьбы индивидуальности съ обществомъ и палата съ правительствомъ, въ которой видны два исхода: или Англія или Франція, т. е. или республика съ монархическими формами или диктатура съ представительными и военными корпусами пассивнаго повновенія. Я видѣлъ лично, въ какомъ положеніи конституціонная Пруссія, которая мнѣ знакома когда еще была чиновническая.

Движеніе демократическое, выражающееся и въ народныхъ массахъ и въ дробленіи внутреннихъ займовъ и въ измельчаніи знаній, затерю

науку, возводя въ ея чинъ ремесла и искусство, и выдвинуло журналистику, сдѣлавъ ее, какъ органъ общественнаго мнѣнія, силою, властію, умѣньемъ.

И у насъ, въ Россіи, это движеніе сильно. У насъ проявились— и если недовольно опредѣленно и зрѣло, то весьма скоро и весьма запальчиво—свои партіи: партія демократическая, самая сильная, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, съ своими органами: „С.-Пбрг. Вѣдомости“, „День“, „Современникъ“, „Русск. Слово“ и даже „Инвалидъ“ и почти всѣ сатирическія и вообще мелкія изданія. Партія дворянская, тоже весьма сильная съ своими органами: „Московскія Вѣдомости“, „Сѣверная Почта“, „Вѣсть“ и партія чиновническая, самая шаткая, бросающаяся то въ просвѣщенный деспотизмъ, то въ аристократическую республику, съ своими органами: „Голосъ“.

Антагонизмъ Москвы и Петербурга сдѣлался сильнѣе нежели когда нибудь, и „Московскія Вѣдомости“ Каткова, самое вліятельное и весьма распространенное изданіе, едва-ли не сильнѣе „Дня“, топчетъ въ грязь Петербургскіе кружки, системы и порядки. Отгѣнки оппозиціи проявляются болѣе нежели замѣтно, и я вовсе не удивлюсь, если съ открытіемъ земскихъ учрежденій не образовалась въ Москвѣ та открытая національная оппозиція, которой эти учрежденія представляютъ широкое поле дѣйствія. Они же представляютъ тому и многіе поводы, давая преобладающее вліяніе помѣщикамъ и городскимъ купцамъ, рѣшительно не одобряющимъ Петербургскихъ мѣроположеній. Мѣры эти раззорили оба класса, и конечно не раззореніе внушаетъ и укрѣпляетъ преданность.

У насъ реформы продолжаются. Онѣ сыпятся съ роскошью невиданною и неслыханною. Точно мы отуманены, точно мы виноваты, боясь открытія вины, задариваемъ обвинителей. Реформы эти напоминаютъ тѣ времена Петра I-го, когда на вчерашнихъ бородачей и неуклюжихъ бояръ и думныхъ дьяковъ надѣвали узкіе Нѣмецкіе кафтаны. Кафтаны лопались, бородачи оставались тѣми же Московитами.

Сущность не въ формахъ и не въ учрежденіяхъ,—хотя сила организациі очень велика—сущность въ людяхъ. Людей образуетъ время, исторія. Мы еще молоды, слишкомъ широко живемъ. Теперь только началось многое.

*

На меня награды сыплются за наградами. Сдѣлали сенаторомъ, назначили пособіе въ три тысячи рублей, пожалована аренда, по 2 т. р.

на двѣнадцать лѣтъ. А сегодня четвертая: министерство, т. е. министръ, товарищъ его, члены Совѣта, директора и вице-директоры давали мнѣ обѣдъ. Распорядитель, Н. А. Гернгроссъ, сдѣлалъ его великолѣпнымъ; спичи служили приправою. Я искренно благодаренъ моимъ сослуживцамъ. Благодаря, за тостами, я сказалъ, что имѣлъ подобныхъ два обѣда и понималъ ихъ, а этотъ третій не понимаю и приписываю его одной благосклонности и добротѣ. Тутъ начались спичи. Отвѣчалъ Гернгроссъ: „По праву и по привычкѣ вы занимали у насъ мѣсто какъ бы генераль-прокурора, мѣсто, какъ извѣстно и какъ гласятъ законы, для всѣхъ ненавистное. И мы и дѣла наши не пользовались вашею благосклонностию, и мы и они чувствовали на себѣ и живость и строгость контроля и оцѣнки. Но не смотря на это, на другой день, въ тотъ же день, встрѣчаясь съ вами, всегда и всякій былъ радъ этой встрѣчѣ, съ удовольствіемъ жаль руку и всегда съ удовольствіемъ обращаясь за добрымъ совѣтомъ“ и проч. Шульгинъ написалъ стихи, которые оканчиваются, кажется, такъ: „Благодаримъ, благодаримъ, за добрый трудъ, за жизнь межъ нами и за этотъ день“. Вообще одушевление было большое, и мы развѣхались въ 10-мъ часу.

(Продолженіе будетъ).

